

Грузинское преданіе объ Амиранѣ.

Амиранъ *).

Амиранъ, младшій сынъ Сулкалмаха и Дареджаны, имѣлъ двухъ братьевъ: Бадри и Уснапа. Амиранъ родился тогда, когда его родители были въ преклонныхъ лѣтахъ; Амирана страшно любила мать, отчего и стали его называть Дареджановичемъ. Кумомъ отца Амирана былъ Исусъ Христосъ, который наградилъ крестника быстротою скатывающагося дерева, смѣлостью снѣгового обвала, силою двѣнадцати паръ быковъ и буйволовъ, походкою волка, бѣдностью и слабостью въ дѣтствѣ и бранною жизнью въ годы возмужалости. Вскорѣ по рожденіи Амирана скончался Сулкалмахъ. Девы напали на сиротъ и опустошили все ихъ достояніе. Перепуганные сироты укрылись въ Чабалхеты (равнина?), и мать ихъ Дареджана не вынесла горя и скончалась. Между тѣмъ Амиранъ возросъ. Отъ давленія неимоверной силы героя подъ нимъ земля тряслась. Герой и ѣду имѣлъ необыкновенную: за обѣдомъ онъ съѣдалъ двухъ буйволовъ, а во время ужина и трема не довольствовался. Его братъ Бадри былъ похожъ на красивую дѣвушку, Усипъ—на хрустальную крѣпость, а самъ Амиранъ на черныя тучи, наполненныя парами ливня, при этомъ одинъ изъ зубовъ у него былъ золотой. Однажды братья пошли на охоту. Перешедши черезъ

*) „Иверія“ за 1889 г., №№: 239, 240, 241, 244 и 245.

девять горъ, они увидѣли десятую гору, Алгетскую. Тутъ стали охотиться. Скоро показался громадный олень съ огромнѣйшими вѣтвистыми рогами. Амиранъ пустилъ въ него стрѣлу и ранилъ. Олень убѣжалъ. Братья погнались за нимъ и вышли въ одно мѣсто, гдѣ стояла хрустальная отовсюду замкнутая башня. Братья стали искать входъ въ нее, но безуспѣшно: нигдѣ не было слѣдовъ дверей. Тогда Амиранъ ударилъ ногой въ стѣну башни, и чрезъ образовавшуюся брешь вошли въ нее. Тамъ увидѣли усопшаго Цамцума: въ головахъ у него былъ конь, по правую сторону—шашка, по лѣвую—копье, достигающее до небесъ, въ одномъ углу—груда золота и серебра, воалѣ усопшаго сидѣла мать его, а у головы—его жена, проливаемая которой слезы достигали до моря. Она держала въ рукѣ письмо. Прочли. Было написано: „Я внукъ Усна. Пока былъ живъ, уничтожилъ всѣхъ враговъ, за исключеніемъ одного—великана, неуклюжаго деви. Кто убьетъ его, тому дарю свою пику; кто объ этомъ мнѣ сообщитъ,—тому мою шпагу, кто похоронитъ моихъ родителей,—тому мои деньги, кто выдастъ замужъ моихъ сестеръ,—тому все мое золото и серебро, кто меня похоронитъ,—тому мою жену и коня.“

Братья-герои похоронили Цамцума, все имъ завѣщанное забрали, вышли изъ крѣпости и, замкнувъ ее, ушли искать „неуклюжаго деви“. Пройдя немного, они встрѣтили его.

— „Куда ты идешь, деви?“ спросилъ Амиранъ.

— „Иду пожрать Цамцума, внука Усна“, отвѣтилъ онъ.

— Кто же позволить тебѣ его съѣсть?“

— „Какъ кто?! А кто же можетъ мнѣ воспрепятствовать?“

Деви еще не докончилъ свою рѣчь, какъ Амиранъ бросился на него. Закипѣла битва великановъ. Подъ ногами

ихъ вся земля дрожала и тряслась. Слышенъ былъ подземный гулъ. Амиранъ одолѣлъ. Схвативъ и поднявъ деви вверху, изъ всѣхъ силъ размахнулся и ударилъ его о землю. Отъ этого удара у деви переломилось плечо, и онъ сталъ рвать и просить: „Не убивай меня, Амиранъ. За моремъ есть дѣвица, называемая Камаръ. Для мытья ея платья необходимо семь кусковъ мыла и семнадцать ведеръ (гокъ) воды, а для сушенія—семь солнечныхъ дней. Дорога туда легкая, но отсюда—опасная, полная приключеній. Въ качествѣ проводника я дамъ тебѣ своего скорохода“. Амиранъ умиловался, но братья совѣтовали не щадить его. Амиранъ послушался братьевъ и отрубилъ у деви двѣ головы, а когда собирался отрѣзать и третью, послѣднюю, то деви опять взмолился:

— „И такъ ты убиваешь меня! Но вотъ послѣдняя моя просьба: изъ моихъ гсловъ выйдутъ три червя; ты ихъ пощади.“

Когда Амиранъ отрубилъ и послѣднюю голову, то, дѣйствительно, изъ головъ деви выползли три червя: бѣлый, красный и черный. Братья просили погубить ихъ тоже, но Амиранъ не послушался и отпустилъ червей, а самъ съ братьями и съ проводникомъ деви отправился дальше искать заморскую дѣвицу.

Ходили много и, наконецъ, вышли на одно пустынное поле. Оглянулся Амиранъ и видитъ, что тѣ три червя, которыми онъ далъ свободу, превратились въ трехъ драконовъ, идуть по полю и поють.

Амиранъ бросился на нихъ и моментально убилъ бѣлаго и красного, но черный одолѣлъ его, проглотилъ живого и быстро поползъ далѣе. Тѣмъ временемъ братья Амирана, которые при видѣ драконовъ убѣжали на гору, успѣли спуститься съ нея. Усипъ пустилъ стрѣлу и попалъ въ хвостъ ползущаго дракона. Хвостъ отпалъ, но драконъ продолжалъ путь свой. Амиранъ же, заключенный въ желудкѣ дракона,

грызъ и царапалъ сердце и внутренности его. Драконъ, изнывая отъ страшныхъ болей, торопился къ столбу, на которомъ, обвившись, обыкновенно умерщвлялъ онъ проглоченную жертву. Но, по совѣту Усипа, Бадри сталъ своимъ высокимъ голосомъ звать Амирана и совѣтовать ему достать изъ кармана ножъ, распоротъ животъ дракона и выйти вонъ. Голосъ былъ услышанъ, совѣтъ принять, и Амиранъ вылезъ изъ чрева живъ и здоровъ, но потерялъ волосы, бороду и усы. Увидя, что Амиранъ преобразился, Усипъ началъ насмѣхаться надъ нимъ. Амиранъ рассердился. Бадри сказалъ:

— „Не сердись, братъ: ты знаешь, что за человекъ Усипъ. Что ты волосы потерялъ,—это не бѣда. Пойдемъ къ господину Игри, и онъ тебѣ сдѣлаетъ, какія хочешь, волосы.“

Пошли. Игри сдѣлалъ ему волосы. Опять пошли далѣе искать Камару. Искали много, испытали много горя и лишеній, но до Камары все же не добрались. Идя еще дальше, они наткнулись на домъ девяти девоу. Амиранъ ворвался туда и сталъ рѣзать великановъ. Перерѣзалъ всѣхъ. Кровь ихъ наполнила весь домъ. Затѣмъ Амиранъ сказалъ братьямъ:

— „Братья, помогите мнѣ добыть Камару!—вы ждите меня по эту сторону моря, а же переплыну море и перевезу ее, солнцеобразную“.

Братья согласились. Амиранъ сѣлъ на бѣлаго коня, переплылъ море и подъѣхалъ къ башнѣ Камары. Она въ это время мыла посуду. Амиранъ сказалъ ей:

— „Камара, сойди съ башни, и поѣдемъ ко мнѣ!“

А она ему отвѣтила:

— „Войди ты самъ сюда!—немножко отдохнешь, а я тѣмъ временемъ уберу посуду“.

Амиранъ привязалъ коня къ дереву и поднялся на башню.

Камара вымыла посуду, Амирану же сказала уложить ее.

При укладываніи Амиранъ разбилъ одну чашку, ту именно, которая его не слушалась и не хотѣла стать на своемъ мѣстѣ. Съ разбитіемъ чашки раздался оглушительный звонъ всей посуды, которая зашевелилась, тронулась сразу и полетѣла къ небу, къ отцу Камары и сказала:

— „Помоги! Камару дохитили.“

Камара, предвидя печальный исходъ, посоветовала Амирану торопиться въ путь. Амиранъ сѣлъ на коня, посадилъ къ себѣ и Камару и посвакалъ во всю прыть. Но скоро ясное и безоблачное небо нахмурилось, подулъ вихрь и полили ливни. Тогда Камара сказала Амирану:

— „Торопи коня!—этотъ вихрь—вслѣдствіе движенія ногъ отца моего, а ливень—слезы матери моей“.

Затѣмъ пропѣла:

„Амиранъ, скорѣй, скорѣй!

„Хвалятъ быстроту твоихъ ногъ!

„Амбры, Умбры и Арабы,

„Быстро садутъ на коней,

„Быстро же догонять тебя

„И завяжутъ съ тобой горячій бой!“

— „Я не фазанъ“, отвѣтилъ Амиранъ, „чтобы поймали меня соколами, и не заяцъ, чтобы поймали гончими. Придутъ, —я здѣсь. Одинъ я пойду на отца твоего.“

Амиранъ переплылъ море и прибылъ благополучно къ братьямъ. Тѣмъ временемъ и армія врага причалила къ берегу на корабляхъ. Берегъ наполнился вражескимъ войскомъ. Бороться съ врагомъ сначала вышелъ Усипъ, перебилъ половину всей арміи и самъ погибъ. Затѣмъ вышелъ Бадри, перебилъ многихъ, но и самъ погибъ. Тогда Камара попросила Амирана позволить ей выйти на бой, но Амиранъ не согласился и самъ взялся за оружіе и поцесся стрѣлою. Скоро перебилъ всѣхъ. Въ живыхъ остался только отецъ Камары. Закипѣло единоборство двухъ великановъ.

Долго они боролись. Камара издали смотрѣла на этотъ бой и, замѣтивъ, что Амиранъ слабѣетъ, посоветовала ему громкимъ голосомъ:

„Амиранъ! ты не искусенъ въ борьбѣ:

„Слона бьютъ не сверху,

„Но ножныя жилы ему подрѣзываютъ;

„Когда подрѣзаны столбы,

„И дворець обрушивается!“

По совѣту Камары Амиранъ ударилъ мечомъ по ногамъ врага и повалилъ его. Владѣтель демоновъ скоро лишился и головы. Побѣдивъ враговъ, Амиранъ съ обнаженнымъ мечомъ направился къ Камарѣ. По дорогѣ встрѣтила его какая-то дѣвица и пристыдила словами:

— „Если бы ты былъ героемъ, то мечъ вложилъ бы въ ножны и пошелъ бы искать погибшихъ братьевъ своихъ“.

Услышавъ эти слова, Амиранъ вложилъ мечъ въ ножны и вернулся искать братьевъ. Послѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, нашелъ остывшіе трупы, перенесъ ихъ въ одно мѣсто, сѣлъ возлѣ нихъ и самъ, снѣдаемый печалью по погибшимъ братьямъ, послѣ нѣкотораго раздумья, рѣшилъ убить себя. Амиранъ убиваетъ себя, напѣвая:

„Девять птицъ Мхаргрдзелей

„Алгетскую рошу затоптали,

„Амиранъ же, оставшись

„Безъ братьевъ, безъ дядей, убилъ себя!“

Прибѣжала Камара и стала оплакивать мужа. Въ это время выбѣжала мышонокъ изъ норы и сталъ облизывать кровь Амирана. Камаръ разсердилась, взяла свой башмачекъ, ударила по головѣ и убила мышонка. Старая мышь, мать мышонка, выползла изъ норы и сказала Камарѣ:

— „Что ты это сдѣлала? Изъ-за тебя погибли твой отецъ, мужъ, девери и столько войска, а ты еще убиваешь и мое дитя! Или ты думаешь, что я не люблю свою дочь?“

Горе тебѣ! Что же касается до меня, то я вылечу своего дѣтѣныша.“

Сказавъ это, мышь сорвала какую-то траву, обмазала ею рану мышонка, и послѣдній ожилъ и спрятался вмѣстѣ съ матерью въ норѣ. Камаара обрадовалась. Тою же травкою воскресила мужа и его братьевъ. Затѣмъ всѣ отправились домой.

Прошло много времени. Амиранъ всюду побивалъ девоу, драконовъ, уничтожая ихъ старинные зародыши. Постоянныя побѣды убѣдили Амирана, что равнаго ему въ силѣ ужь нѣтъ никого.

Однажды Амиранъ шелъ по дорогѣ и встрѣтилъ печальное шествіе: на арбѣ везли умершаго, его заклятого врага Амбрія. Хотя въ арбѣ запряжено было 12 паръ быковъ и буйволовъ, но и эта сила едва двигала останки героя; трупъ не умѣщался на арбѣ и одна нога Амбрія волочилась по землѣ. Мать умершаго шла возлѣ арбы. Она, запримѣтивъ Амирана и узнавъ его, сказала:

— „Амиранъ Дареджанидзе, будь добръ, подними ногу Амбрія и положи на арбу!“

Амиранъ сталъ подымать, но не поднялъ: нога была тяжела,—у Амирана силъ не хватило. Видя это, мать Амбрія поетъ:

„Несчастлива та страна,

„Гдѣ ты амиранствовалъ:

„На голову каску надѣвалъ,

„На тѣло латы надѣвалъ.

„Богъ свидѣтель, ты не равнялся

„Съ Амбриемъ ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ,

„Ни въ борьбѣ. Какъ же ты могъ

„Сравниться съ живымъ, когда онъ—

„Мертвецъ побѣдилъ тебя!?”

„Какъ же осмѣливался враждовать съ нимъ,

„Когда и ногу его не сумѣлъ поднять!?”“

Амиранъ страшно опечалился. Удрученный горемъ, заперся въ одну темнымъ-темную комнату и предался горю. Тогда Богъ прибавилъ ему силы и далъ силу трехъ разбушевавшихся водъ и трехъ горныхъ снѣжныхъ обваловъ. Амиранъ обрадовался и вышелъ дѣйствовать. Теперь уже никто съ нимъ не могъ сравниться. Амиранъ возгордился и, такъ какъ равнаго ему по силѣ никого не было, то онъ пожелалъ испытать свою силу въ борьбѣ со своимъ крѣстнымъ отцомъ, т. е. съ Иисусомъ Христомъ.

Однажды Амиранъ встрѣтилъ Христа и сказалъ ему:

— „Ты мнѣ далъ столько силы, что никто со мной не можетъ состязаться. Будь, что будетъ,—ужь Ты Самъ выходи со мной бороться!“

— „Амиранъ,“ отвѣтилъ Христось, „ты человекъ-философъ: какъ же ты не знаешь того, что съ крѣстнымъ тебѣ не подобаетъ бороться?“

Но Амиранъ все же приставалъ. Христось, вонзивъ палку въ землю, сказалъ Амирану:

— „Если ее достанешь изъ земли, то побѣда на твоей сторонѣ“.

Амиранъ потянулъ палку и вытащилъ легко. Христось вторично вонзилъ палку. Амиранъ, опять доставъ ее, сказалъ:

— „Что жъ Ты шутишь со мною? Или борись, или отстань!“

Христось въ третій разъ вонзилъ палку и повелѣлъ ей пустить корни, обнимающіе вселенную, пустить стволъ, достигающій до небесъ, затѣмъ сказалъ Амирану:

— „Ну-ка, вытаскивай!“

Амиранъ сталъ вытаскивать и не только не вытащилъ, но даже и шевельнуть ее не сумѣлъ.

Тогда Христось проклялъ Амирана и привязалъ къ тому дереву. Надъ привязаннымъ Амираномъ Господь сдви-

нуль снѣжно-ледовитыя вершины Мкинвари (гора Казбекъ) и Гергеты, чтобы навсегда лишить его возможности видѣть небо и землю, свѣтъ и радость. Съ тѣхъ поръ Амиранъ томится тамъ. Богъ опредѣлилъ ему на пропитаніе порцію хлѣба и чашку вина въ день. Это ему доставляетъ воронъ. У Амирана имѣется одинъ пѣсь, рожденный отъ ворона. Заржавленную цѣпь, которой привязанъ Амиранъ, этотъ пѣсь неустанно лижетъ, отчего она тонѣетъ и слабѣетъ. Амиранъ исполняется надеждою, что вотъ-вотъ цѣпь разорвется, и онъ получитъ свободу. Но этой надеждѣ Амирана не суждено осуществиться, ибо въ утро страстного четверга всѣ грузинскіе кузнецы ударяютъ молотами по три раза о наковальню, и цѣпь, готовая разорваться, отъ этихъ ударовъ опять вкрѣпнетъ и получаетъ прежнюю прочность. Амиранъ опять повергается въ уныніе: опять та же печальная участь томленія, лишенія свободы, свѣта и радости!

Въ недалекомъ отъ Амирана разстояніи валяется его мечъ, тоже покрытый ржавчиною и заплѣснѣвшій. И мечъ оплакиваетъ себя подобно хозяину своему.

Гора Гергеты въ годъ одинъ разъ открываетъ Амирану двери свѣта, но Амиранъ и не радъ этому, такъ какъ лучъ свѣта еще болѣе возобновляетъ боли его застывшей тоски и печали.

На горѣ Гергеты есть одинъ окаменѣлый драконъ. Онъ пришелъ туда пожрать скованнаго Амирана, но Богъ проклялъ и его, отчего онъ и окаменѣлъ. Съ тѣхъ поръ лежитъ тамъ этотъ драконъ, не поврежденный и отъ огня, и отъ солнца, ничуть не сдвинутый съ мѣста ни силою бури, ни силою ледяного обвала, оставленный и небомъ, и землей, такъ какъ ни ледъ, ни снѣгъ его никогда не покрываютъ, облака не окутываютъ, дожди не орошаютъ и даже зефиръ не охлаждаетъ его чела. Горные туры и козы даже во время злыхъ мятежей и вихрей не заглядываютъ въ его скалистые

гроты. Все бѣжить отъ него, сторонится... Вокругъ него носится только гласъ проклятья, тутъ смерть и заустѣвнѣе...

Послѣдній судный день Христа есть крайній предѣлъ томленія Амираана. Съ пришествіемъ Христа и Амиранъ получить свободу. Вотъ таинственный голосъ, который доносится изъ плачущей скалы:

„Не радуйтесь, демоны!

„Еще разъ увидите Амираана,

„Одѣтаго въ броню, съ мечомъ въ рукѣ,

„Преслѣдующаго и бьющаго васъ

„Своею могучею рукою!“

М. Джанашивили.

